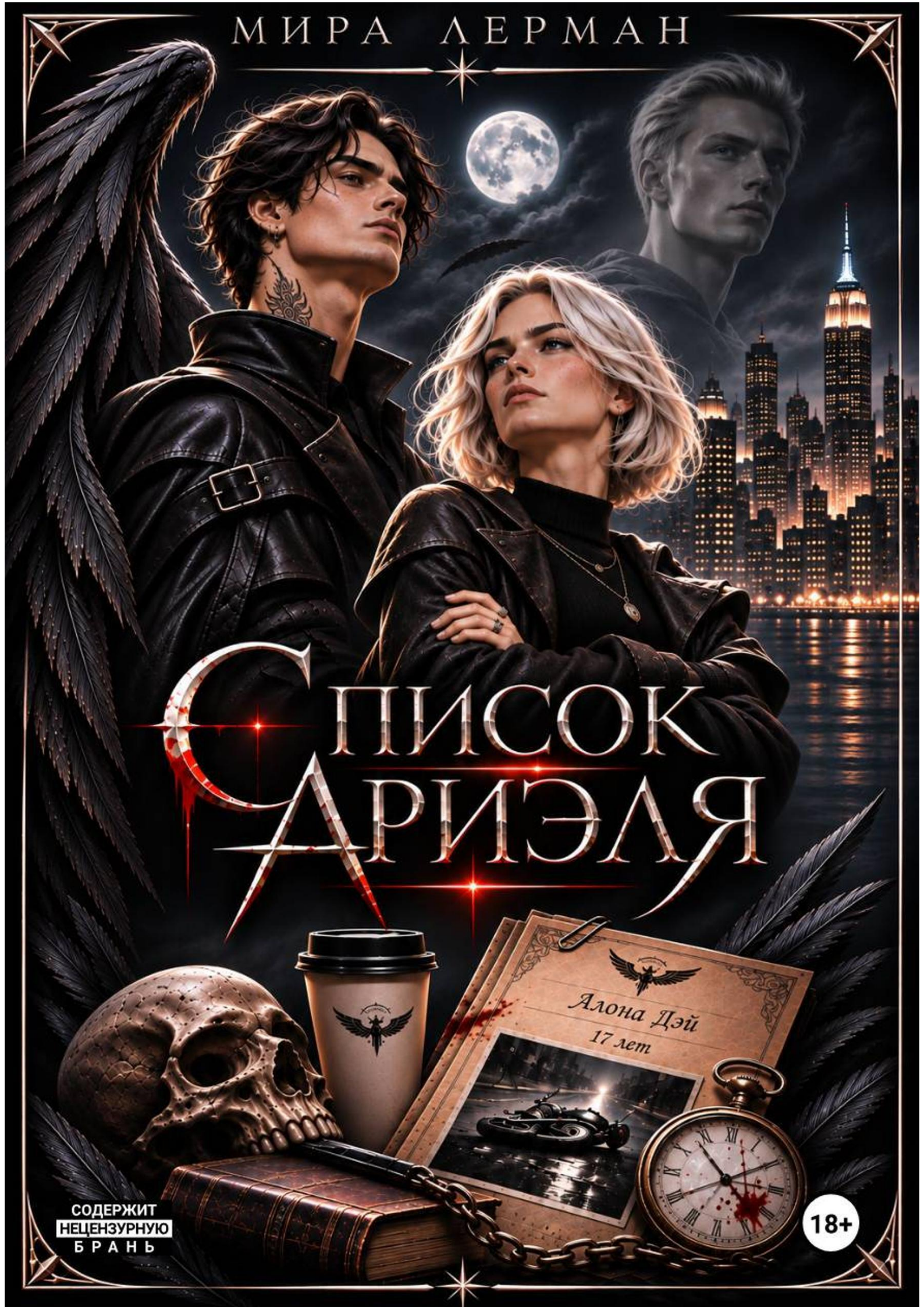
МИРА ЛЕРМАН

Список Ариэля

Алона Дэй
17 лет

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мира Лерман

Список Ариэля

«Автор»
2026

Лерман М.

Список Ариэля / М. Лерман — «Автор», 2026

Алона Дэй всегда знала, чего хочет от жизни: университет, Бостон, будущее с Адамом, которого любит почти всю жизнь.Одна ночь меняет всё. Авария, которую Алона пережила почти невозможным образом, оставляет её с вопросом, на который нет ответа: почему выжила именно она?В новом городе Алона учится жить заново — шаг за шагом строит себя и сама же разрушает. Прошлое не отпускает, старые чувства разрывают её изнутри, а вопрос о собственном выживании не даёт покоя.Ариэль привык следить за существами, от которых у людей глаза на лоб лезут. Он знает, что ад реален, и наблюдает за теми, чьё время пришло. Но однажды из списка смерти исчезает имя Алоны Дэй. Такого не должно происходить. Смерть не терпит отложенности на потом. Ариэль решает разобраться в случившемся — и сталкивается с развитием событий, которого не мог предвидеть.Книга содержит упоминания табака, алкоголя и наркотических веществ. Данные элементы не служат пропагандой, рекламой или поощрением их употребления.

© Лерман М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Мира Лерман
Список Ариэля

Глава 1

— Нет, серьёзно, ты репетируешь свадебную клятву? — *Джесс*откинулась на спинку кровати и заржала так, что чуть не свалилась на пол. — *Алона*. Солнце. Ты ещё даже предложения не получила.

— Отец сказал быть готовой ко всему, — я пожала плечами и перевернула страницу блокнота. — Это нормальный шаг для нас. Для семьи. Для того, как мы живём.

— Для того, как вы живёте, — повторила она с интонацией, будто я только что сказала: «Мы каждый вторник приносим в жертву козу». — Вы живёте как в «Клане Сопрано», только машины дороже.

— У нас нет коз.

— Зато есть *Адам*.

Я запустила в неё подушкой. Она поймала её и обняла, как трофей.

— Ладно, ладно. Читай свою клятву. Хочу услышать, как ты будешь стоять перед всеми этими людьми в белом платье и говорить: «*Адам*, ты был моим первым словом, моей первой дракой и моим первым…»

— *Джесс*.

— …первым человеком, который увидел меня без штанов. И это было взаимно. На горшке. В два года? Романтика!

Я засмеялась, хотя пыталась сохранить серьёзное лицо.

— Я не буду это говорить.

— А надо. Это честно. Это вы. Вы с *Адамом*с трёх лет вместе. Вы одну баланду ели. Буквально. Помню, ты рассказывала, как в садике вы делили одну тарелку: он не мог доесть, а ты не могла оставить.

— Это было мило.

— Это было антисанитарно. Но мило. Ладно, начинай. Только без «я, *Алона Дэй*, беру тебя, *Адам*, в законные мужья». Скучно, *Алона*. Ты можешь лучше.

Я вздохнула, посмотрела в блокнот и начала:

— *Адам*. Я знаю тебя дольше, чем помню себя. Я знаю, как ты дышишь, когда злишься. Знаю, как хмуришься, когда врёшь. Знаю, что ты до сих пор не умеешь нормально извиняться и всегда доедаешь мою еду, хотя клялся, что не голоден. Я знаю тебя, как собственный пульс. И я выбираю тебя. Не потому, что должна. Не потому, что так решил мой отец. А потому, что ты — единственный человек, рядом с которым я не чувствую себя одинокой. Когда ты молчишь. Когда бесишь меня так, что хочется тебя ударить. Я всё равно выбираю тебя.

*Джесс*присвистнула.

— Ого. Это почти не пошло.

— Спасибо.

— Но добавь что-нибудь про то, как ты отсосала ему под столом на прошлый день рождения. Тогда папочка точно заплачет.

— *Джесс*!

— Что? Это тоже честно. Это тоже вы. Это ваша история. Ну, по крайней мере, та часть, которую он точно не расскажет гостям. Можешь намекнуть: «*Адам*, я знаю тебя на вкус». Тонко. По-взрослому.

— Ты невозможна.

— Я твоя лучшая подруга. Это входит в пакет.

Я отложила блокнот и легла рядом с ней на кровать. Потолок был белый, с трещиной в углу, которую отец обещал починить ещё два года назад. За окном шумело шоссе 83. Где-то дальше, за перекрёстком на Блэксток, было место, куда мы с *Адамом* ездили смотреть на закат. Он говорил, что там красиво. Я утверждала, что пахнет бензином. Мы оба были правы.

— Думаешь, он сделает предложение? — тихо спросила я.

Джесс повернула голову.

— *Адам*? Тот самый *Адам*, который однажды проехал двести миль, потому что ты сказала, что тебе грустно? Который знает, какой кофе ты любишь, и всегда кладёт на пол-ложки сахара меньше, потому что ты не любишь слишком сладкий? Который смотрит на тебя так, будто ты — единственное, что имеет смысл в этом мире?

— Да. Тот самый.

— Тогда да. Думаю, он либо уже купил кольцо, либо собирается. Или он идиот. Но он не идиот. Он просто тормоз. Это разные вещи.

Я улыбнулась.

— Отец говорит, что после свадьбы всё изменится. Что это будет правильный шаг. Что так надо.

— А ты сама как думаешь?

— Я хочу, чтобы всё было по-настоящему. Не потому, что «надо» или «правильно», а потому, что не представляю своей жизни без него. Пусть храпит, оставляет носки на кухне и иногда смотрит на других.

— Он не смотрит на других.

— Я знаю. Но всё равно об этом думаю. Это нормально?

— Нормально. Ты семнадцать лет прожила с этим человеком в одной комнате, в одном мире, в одной жизни. Ты имеешь право бояться. Но и хотеть имеешь право. А ты хочешь. Это видно.

Я закрыла глаза.

— Я люблю его.

— Знаю. И он тебя любит. Может, никогда не скажет это вслух, но покажет. Он уже показывает. Просто ты порой слишком слепая, чтобы это заметить.

Мы лежали молча. Где-то внизу отец с кем-то разговаривал по телефону. Голос у него был резкий, деловой. Он всегда так говорил, когда обсуждал «дела». Я не знала, что это за дела, и не хотела знать.

— Ладно, — сказала *Джесс* и села. — Давай ещё раз. С начала. Теперь с чувством. Представь, что стоишь перед ним, он смотрит на тебя, и вы одни.

Я села, взяла блокнот и посмотрела на пустую страницу.

— *Адам*. Я знаю тебя дольше, чем помню себя. Я знаю, как ты дышишь, когда злишься…

— Стоп, — перебила *Джесс*. — Ты забыла про тарелку.

— Это было в детстве.

— Это было всегда. Ты просто не замечаешь. Ты отдаёшь ему половину своей еды, не дожидаясь просьбы. А он поступает так же. Вы два идиота, которые не могут позволить друг другу остаться голодными.

Я посмотрела на неё.

— Ты права.

— Я всегда права. Продолжай.

Я вздохнула, улыбнулась и начала снова:

— *Адам*. Я знаю тебя дольше, чем помню себя. Знаю, как ты дышишь, когда злишься, и как хмуришься, когда врёшь. Знаю, что ты до сих пор не умеешь нормально извиняться и всегда доедаешь мою еду, хотя клялся, что не голоден. Я знаю тебя, как собственный пульс. В

детстве мы делили одну тарелку. Повзрослев, научились делить одну жизнь. И я выбираю тебя. Не потому, что должна, и не потому, что так решил мой отец. Рядом с тобой я не чувствую себя одинокой. Ты можешь молчать, бесить меня до желания врезать тебе по голове — я всё равно хочу быть с тобой. Сегодня. Завтра. Всегда.

Джесс захлопала.

— Вот. Вот это уже похоже на клятву. Только добавь что-нибудь про его руки. Женщины любят руки. И про то, как он смотрит на тебя, когда думает, что ты не видишь.

— Ты просто хочешь, чтобы я расплакалась.

— Да. И что?

Я засмеялась. Где-то в глубине дома зазвонил телефон. Отец ответил. Потом ещё раз. Потом ещё.

— Мистер *Дэй* весь в делах, да? — *Джесс* перевернулась на живот и подперла подбородок ладонями. — Он же организует вечеринку в честь выпуска?

Я вздохнула и закинула ноги вверх, уперев пятки в стену.

— Ага. Они с мистером *Мэтсом* дни напролёт заняты подготовкой.

— Понятно, — сказала она. — Сорят деньгами как могут.

Она помолчала, потом посмотрела на меня с той самой ухмылкой, от которой у меня всегда сводило скулы.

— Спорим, идею с женитьбой они тоже на этих собраниях решили? Вам с *Адамом* остаётся только подчиниться.

Я ткнула её нюдовым ноготком в живот. Палец утонул в мягких складочках.

— Они тут ни при чём.

— Ни при чём? — *Джесс* приподняла бровь. — *Алона*, ты репетируешь свадебные клятвы. В семнадцать. В субботу вечером. Вместо того чтобы заниматься тем, чем занимаются нормальные подростки.

— Я рассчитываю купить квартиру в *Бостоне*, — сказала я, глядя в потолок. — Проще оформить её на нас двоих. Может, возьмём ипотеку. До наших дней рождений осталось пару месяцев.

Джесс уставилась на меня.

— До наших дней рождений осталось пару месяцев, — передразнила она. — Вы чокнутые.

— Мы не чокнутые.

— Вы чокнутые, — повторила она с нажимом. — Какая ипотека и свадьба в восемнадцать лет? У тебя никогда не было другого мужика. Откуда тебе знать, что колледж всё не изменит?

Я не ответила сразу.

Потому что она попала в точку. Не в том смысле, что я сомневалась в *Адаме*. В нём я не сомневалась. Я не знала, останется ли прежним мир вокруг нас. Останемся ли прежними мы сами. Не рассыплется ли всё, что мы строили с трёх лет, когда выйдем за пределы *Окстона*.

— Я знаю, — наконец сказала я. — Просто знаю.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Джесс вздохнула и легла рядом. Плечом к плечу, как в детстве, когда мы делили наушники и слушали одну песню на двоих.

— Я не говорю, что ты ошибаешься, — сказала она тихо. — Я говорю, что ты торопишься. Ты хочешь закрепить то, что у вас есть, пока оно не изменилось. Но оно уже меняется. Каждую секунду. И это нормально.

— Я знаю.

— Ты боишься.

— Знаю.

— И это тоже нормально.

Я повернула голову и посмотрела на неё: веснушки, растрёпанные волосы, дурацкая футболка с надписью, которую она носила ещё в восьмом классе.

— Что бы я без тебя делала?

— Жила бы скучно, — сказала она. — И вышла бы замуж за *Адама*без единой шутки про минет. Это было бы трагедией.

Я засмеялась — тихо, почти беззвучно, как смеются, когда боятся разбудить кого-то в соседней комнате.

— Знаешь, не засосись ты с *Адамом*на его десятилетии, это могла бы быть я, — сказала *Джесс*.

Я фыркнула.

— Ты сказала, что он страшненький и что такой светлый цвет волос можно получить только отбеливателем.

Она хмыкнула.

— И то правда. Кто знал, что поцелуи с тобой сделают его красавчиком?

Я подняла руку.

— Я. Я это знала.

Мы засмеялись. *Джесс*привстала.

— Хватит клятв. Время собирать тебе холостяцкий бокс, пока я не оглянулась, а ты уже в фате.

Я фыркнула и уставилась в телефон. Пропущенных не было. Тренировка *Адама*должна была закончиться через семь минут.

— Ты даже знать не хочешь, что туда входит, — сказала *Джесс*и направилась к моему ящику возле кровати. — Так. И где тут презервативы?

Телефон завибрировал. На экране засветилась фотография: прошлым летом у озера я целовала *Адама*в загорелую щёку.

«Закончил раньше. Еду домой. К *Мэтту*поедем на движняк сегодня?» *А.*

Я поморщилась.

— У *Мэтта Клэферсона*сегодня вечеринка. Поедешь? — спросила я, пока *Джесс*копалась в ящике.

— Я с ним уже спала. Мне не понравилось, так что я пас, — сказала она и достала ленту. — О, нашла.

Я написала ответ:

«Буду готова через час. Заедь за мной.»

***

Особняк *Клэфферсонов*светился изнутри, как аквариум. Двухэтажный, с панорамными окнами от пола до потолка, с плоской крышей, на которой уже кто-то сидел, свесив ноги. Газон подстригали каждую среду — я знала это, потому что *Мэтт*хвастался этим, как будто стрижка газона была достижением. Бассейн подсвечивался снизу синим, и в нём уже кто-то плавал — в одежде, судя по крикам и по тому, как оттуда вылетел чей-то ботинок.

Мы припарковались на подъездной дорожке между «БМВ» *Мэтта*и чьим-то «Порше». *Джесс*вышла первой, поправила юбку и посмотрела на дом так, будто оценивала, сколько он стоит.

— Говорила же, не хочу ехать, — сказала она.

— Зачем я здесь? Подвезти меня, — ответила я. — *Адам*сегодня на байке. Не люблю его байк. Волосы потом как гнездо выглядят после шлема.

— Купи нормальный бальзам, нищебродка. И не таскай меня по паршивым вечеринкам, — буркнула она. — Когда твою тачку уже привезут из ремонта?

Я закатила глаза на её стенания и пошла к дому по подъездной дорожке, обрамлённой неоновой лентой на бордюрах с приятным тёплым светом. Двери были открыты. Изнутри валил бас — не музыка, а именно бас, который чувствуешь грудной клеткой раньше, чем слышишь ушами.

Внутри пахло дорогим парфюмом, алкоголем и чьим-то неудачным экспериментом с кальяном. Музыка била по ушам. В гостиной толпился народ: девочки в коротких платьях, мальчики в поло. Кто-то уже танцевал на журнальном столике из стекла, который, судя по всему, стоил дороже моей машины. Кто-то целовался на диване. Кто-то орал: «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, *МЭТТ*!» — хотя день рождения *Мэтта*был в марте. Типичный выпускной класс *Окстона*: богатые подростки, которым нечего делать и есть чем залить скуку.

Я нашла *Адама*сразу. Он сидел на диване у окна в баскетбольной форме, ещё влажный после душа. Светлые волосы прилипли ко лбу. Голубые глаза поймали меня через всю комнату.

Он улыбнулся.

Я подошла, села рядом и положила ноги ему на колени. Он не возражал.

— Ты рано, — сказала я.

— Тренировка закончилась раньше, — пожал он плечами. — Тренер сегодня был в настроении.

— В каком?

— В хорошем. Для разнообразия.

Я усмехнулась. Взяла его стакан — воду, конечно, он не пил, — и сделала глоток. *Адам* никогда не пил. Это была одна из тех вещей, которые я в нём одновременно любила и ненавидела: он всегда оставался трезвым, всегда был начеку, всегда был тем, кто отвезёт меня домой.

Где-то за спиной опрокинули стол. Раздался звон стекла.

— О, БЛЯТЬ! — заорал кто-то и тут же заржал.

Музыка дёрнулась, но не остановилась.

— Ты чего? — спросил *Адам*.

— Ничего. Просто смотрю.

— На что?

— На тебя.

Он закатил глаза, но улыбнулся. Я откинулась на спинку дивана и посмотрела на потолок. Где-то наверху, на втором этаже, кто-то громко смеялся. Внизу кто-то разлил что-то красное на белый ковёр, и никто не обратил внимания. Мимо прошла девочка с бутылкой в руке и вылила половину на пол, даже не заметив.

— Слушай, — сказала я. — Нам скоро в *Бостон*.

— Знаю.

— Нужно посмотреть квартиру. Хотя бы временную. Поближе к университету.

Он кивнул.

— Я думал об этом.

— И?

— И ничего. Я думал.

Я повернула голову.

— *Адам*.

— Что?

— Ты понимаешь, что мы не можем просто «думать»? Мы должны решить. До конца лета.

— Мы решим.

— Когда?

Он не ответил. Отвёл взгляд и посмотрел на кого-то в другом конце комнаты. Я проследила за его взглядом. Там была *Бриана*— новенькая из *Кренстона*, с невероятно узкой талией,

затянутой корсетом так туго, что её ягодицы казались непомерно огромными. Она танцевала с кем-то, и волосы летели во все стороны.

— Ещё раз уставишься на зад *Брианы*— вылью эту воду прямо на тебя. Остужу твой пыл.

Он резко обернулся ко мне и поморщился.

— Ни на кого я не смотрел. Нахер мне *Бриана*, если лучший зад, — он опустил руку с моей талии на ягодицы, — уже рядом со мной.

На его губах растянулась очаровательная, по-хамски самодовольная улыбка.

Я хмыкнула, но не отодвинулась.

Кто-то пробежал мимо, задев меня плечом. Я даже не обернулась. В воздухе висел запах сладкого алкоголя, пота и чьего-то парфюма, слишком тяжёлого для такой духоты.

— Ты собираешься сделать предложение?

Он замер.

— *Алона*.

— Что? — Я села прямо. — Это нормальный вопрос. Наши отцы этого хотят. Ты знаешь, чего они хотят.

— Знаю.

— И?

— И я не вижу в этом смысла.

Я уставилась на него.

— Не видишь смысла?.. Ты спятил? Отец уже предложил забронировать *Окстон-парк*на август.

*Адам*показательно вздохнул.

— *Алона*, ну какой *Окстон-парк*? Мы даже квартиру ещё не смотрели. Ты сама пять минут назад говорила про *Бостон*.

— Потому что без одного не может быть другого! — Я подалась вперёд. — Квартира, *Бостон*, свадьба — это всё один план. Наш план. Который наши отцы уже давно составили без нас. И ты раньше был не против на мне жениться.

Он поднял руку, словно взмолился.

— Я не против жениться на тебе. Чёрт, я надеюсь, что я единственный, кто когда-либо женится на тебе, и тебе никогда не придёт в голову развестись со мной. Да, это наш план. Но сейчас? *Алона*, нам даже восемнадцати нет…

— В июле уже будет, — сказала я. — Сможем отпраздновать наши дни рождения в медовом месяце. Перед тем как уедем в колледж.

У него приоткрылся рот.

— Ты серьёзно? Свадьба в августе? Серьёзно, *Эл*?

Я смотрела на него. Где-то за спиной кто-то снова заорал, засмеялся, что-то разбилось. Музыка сменилась на что-то потяжелее, бас отдавал в грудную клетку. Мимо прошла парочка, держась за руки, и чуть не снесла стаканы со стола.

— Я не шучу, — сказала я.

*Адам*откинулся на спинку дивана и провёл рукой по волосам. Они всё ещё были влажными.

— *Эл*.

— Что?

— Почему сейчас?

— Потому что потом будет позже.

— Это не ответ.

— Это и есть ответ, — возразила я, сбрасывая ноги с его колен. — И странно, что ты не понимаешь, насколько он очевидный.

Я опустила ноги на пол и встала, развернувшись к нему спиной.

— *Эл*, постой, — простонал он.

Я пошла прочь.

— *Алона*! — крикнул он мне вслед.

Я не обернулась. Прошла мимо дивана, где целовалась парочка, мимо стола с напитками, мимо кого-то, кто попытался меня окликнуть. Музыка била в грудь. Кто-то схватил меня за руку, но я выдернула её, даже не посмотрев, кто это был.

Я направилась к группке девочек возле кеги с пивом. Фу. Но рядом стояли и парни, попивавшие, кажется, отцовский виски *Клэфферсонов*. Один из них — *Джек*, кажется, из баскетбольной команды, — протянул мне стакан. Я взяла его и выпила залпом. Поморщилась. Виски обжёг горло, но стало легче.

— *Алона*, ты чего такая? — спросила *Лорен*, появляясь откуда-то слева. В руке у неё был стакан, а улыбка казалась слишком широкой.

— Ничего, — ответила я.

— Ага. Вижу.

Она переглянулась с кем-то за моей спиной, а потом наклонилась ближе.

— У меня есть кое-что. Для настроения.

Я посмотрела на её ладонь. Маленькая белая таблетка. Ничем не примечательная.

— Что это?

— Ничего такого. Просто расслабиться. Ты напряжена.

Я не знала, что это было. Может, что-то для веса. Может, просто витаминка. Мне было всё равно. В тот момент мне было плевать.

Я взяла таблетку. Она лежала на ладони — маленькая, белая, ничего не значащая. Я смотрела на неё секунду. Потом подняла глаза и увидела мотоциклетный шлем и знакомую куртку. Брови сами собой сошлись на переносице.

Лорен уже ускакала куда-то дальше. Я бросила белый кругляшок в ближайший стаканчик с водой, стоявший на столе рядом с кегой. Ничей стакан. Просто вода. Таблетка упала на дно с тихим бульком.

Я отобрала у парней ещё один бокал с виски, развернулась и пошла к выходу, кипя от негодования.

По дороге я заметила *Джесс*. Она уже сосалась с *Мэттом*, который прижимал её к стене. Мои брови взлетели вверх. Она махнула мне рукой — мол, иди, всё нормально, — и снова уткнулась ему в губы.

Я отвернулась и направилась к выходу.

На крыльце было прохладнее. Здесь музыка звучала приглушённо, будто из другой комнаты. Неоновая лента на бордюрах светилась тёплым, почти уютным светом. Я остановилась, сделала глоток виски и посмотрела на подъездную дорожку — пустую, где меня никто не ждал.

Потом услышала шаги. Я не обернулась. Знала, кто это.

— *Эл*.

Я сделала ещё глоток.

— Ты ушла, — сказал *Адам*, вставая рядом. — Я не хотел тебя обидеть.

— Ты меня не обидел. Поэтому ты и не смотришь на меня? — Я повернула к нему голову. — Ты просто бесишь меня своей несерьёзностью. Отказываешься участвовать в наших планах, думаешь только о колледже и тусовках в квартире. Знаешь, что этим выбесишь наших родителей, — и всё равно не считаешь, что нам нужно пожениться.

Я произнесла это ровно, без крика.

— И вот это меня уже задевает.

Он помолчал. Забрал у меня бокал, отставил его на перила и повернул меня к себе. Я не сопротивлялась, но и в глаза ему не смотрела.

— Я хочу жениться на тебе, — сказал он. — Не потому, что так надо. Не потому, что отцы договорились. А потому, что я не вижу своей жизни без тебя. Но я не хочу, чтобы это случилось в августе или завтра. Я хочу, чтобы мы поженились, когда будем готовы. Сами накопим на свадьбу, а не получим её на блюдечке от родителей. Поживём вместе.

Он помолчал, подбирая слова.

— Сейчас у нас экзамены. Мы даже толком не виделись, не то чтобы успели привыкнуть к постоянному присутствию друг друга рядом.

Я наконец посмотрела на него.

— Мы всю жизнь живём в соседних домах. Твои родители оставляли тебя у нас на целые недели. Ты ненавидишь овсянку по утрам и нашу шумную кофемашину. Это почти то же самое, что жить вместе.

*Адам*фыркнул.

— После четырнадцати меня к тебе не пускали. И едва не спустили с лестницы, сама знаешь за что. Это не совсем то же самое, что быть в браке. Наших родителей рядом с нами уже не будет.

— Мы сейчас в период экзаменов. Даже не виделись толком, не то чтобы успели привыкнуть к постоянному присутствию друг друга рядом.

— Мы всю жизнь живём в соседних домах. Твои родители оставляли тебя у нас на целые недели. Ты ненавидишь овсянку по утрам и нашу шумную кофемашину. Это почти то же самое, что жить вместе.

Он фыркнул.

— После четырнадцати меня к тебе не пускали… И едва не спустили с лестницы, сама знаешь за что. Это не совсем то же, что быть в браке. Наших родителей рядом с нами не будет.

Я замолчала.

Он был прав. Чёрт возьми, он был прав. Я знала это ещё там, на диване, когда заговорила об *Окстон-парке*. Но признавать это было тяжело. Потому что признать — значит согласиться ждать. А ждать — значит рисковать. А рисковать — значит допустить, что всё может пойти не так.

Я отвернулась и посмотрела на подъездную дорожку. На пустое место, где обычно стояла моя машина. На неоновую ленту, которая светилась слишком ярко для такого позднего вечера.

— Это не связано с моими чувствами к тебе, — тихо сказал *Адам*. — Ты для меня всё. И всегда будешь. Мне хватило почти шестнадцати лет, чтобы понять: без тебя я с этим миром не справлюсь. Особенно после того, как в шесть лет ты побила *Кевина Уилкинса*за то, что он сломал мою радиоуправляемую машинку. А потом тут же толкнула меня, чтобы я перестал ныть.

Он усмехнулся.

— И я перестал. И сейчас не собираюсь начинать. Потому что и тогда, и сейчас я знаю: без тебя мне не жить. Но я не хочу, чтобы вся наша жизнь зависела от кого-то другого и проходила под чужим давлением.

Я неловко улыбнулась.

— Так что, *Адам Мэтс*, ты не женишься на мне этим летом?

Я почти по-настоящему улыбалась.

Он обнял меня за талию и притянул ближе. Улыбка осветила его красивое лицо.

— Нет, *Алона Дэй*, я не женюсь на тебе этим летом. Но однажды — обязательно.

И он поцеловал меня.

Меня тут же окутал знакомый запах: дорогой шампунь после душа, парфюм с нотками древесины и мандаринового дерева и кола, которую он пил. Я прижалась к нему. На секунду всё исчезло: музыка, крики, вечеринка, страх, отцы, *Окстон-парк*. Остался только он. Его руки на моей талии, его губы, его запах.

Дом.

Когда мы отстранились, я всё ещё улыбалась.

— Поехали домой? — спросил он.

— Поехали. Вечеринка — отстой.

Я оглянулась на припаркованный байк и скривила губы.

— А *Джесс*сейчас занята руками. Причём обеими. Так что рулить ими она явно не сможет.

— Значит, ты едешь со мной, — улыбнулся *Адам*и взял меня за руку. — Пойдём, заберу шмотки.

Мы вернулись в дом. Я заметила, как *Адам*направился к дивану за шлемом и курткой, а сама посмотрела туда, где недавно видела *Джесс*. Там уже никого не было. Только дверь рядом осталась приоткрытой.

Я покачала головой и отвернулась.

*Адам*уже натянул куртку, в одной руке был шлем в другой стаканчик, стоявший на столе.

Улыбка тут же слетела с его лица.

Я проследила за его взглядом. Стакан. Тот самый, куда я бросила таблетку.

— *Адам*.

Он поднял на меня глаза и поставил стаканчик обратно.

Я открыла рот. И снова закрыла. Проверку на стероиды они проходили на той неделе. Новая не ожидалась. Я заглянула в стаканчик. На вид почти ничего не изменилось. Может, он и не успел сделать глоток?

— Идём? — спросил *Адам*.

Я нерешительно кивнула. Если я ему скажу, он тут же взбесится из-за баскетбола. А ему ещё везти нас домой. Скорее всего, он почти ничего не выпил.

Я кивнула ещё раз.

— Да. Идём.

Он натянул шлем. Я села позади и обхватила его руками. Байк завёлся, и мы выехали с подъездной дорожки *Клэфферсонов*.

***

Шоссе 83 тянулось впереди — пустое, тёмное, знакомое до последнего поворота. Ветер бил в лицо, волосы развевались и больно хлестали по щекам. Второго шлема *Адам*не взял. Я сама отказалась надевать его: внутри странно пахло. Ехать всё равно было недалеко.

Я держалась за *Адама*и думала о том, что перед ночёвкой у него нужно будет забрать свою косметичку. У них вечно мыло сушило кожу.

Свет фар выхватил что-то на дороге. Чью-то фигуру.

*Адам*резко вывернул руль, пытаясь объехать её. Мотоцикл вздыбился.

Я почувствовала резкую, разрывающую боль — одновременно в спине, плечах и голове. Седло ушло из-под меня, и всё потемнело.

Но звуки остались. Визг. Удар. Боль.

И…

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.